

К

огда мы с друзьями были молодыми, а точнее, маленькими (в начале-середине 1960-х), то, казалось, и не подозревали, что совсем рядом, буквально по соседству, в нашем окраинном районе Воронежа, Троицкой слободе, что неподалеку от парка и стадиона «Динамо», живет так много героев и просто участников не очень-то и давно закончившейся Великой Отечественной войны.

Хотя нет, некоторые из ребят, конечно же, по особому гордились, что их отцы воевали, вернулись домой с наградами. Но вот что фронтовиков вокруг столько, мы ощутили по-настоящему лишь 9 мая 1965 года. Именно тогда была выпущена первая юбилейная медаль — «XX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» с вычеканенным на ней изображением советского Воина-освободителя, что навечно застыл в берлинском Трептов-парке. И именно тогда, в 1965-м, 9 Мая стал праздничным днем на все последующие времена — Днем Великой Победы и Памяти...

И какие же воистину народные гулянья гремели в том далеком солнечном мае! Крепкие 40-50-летние мужики, кажется, чуть ли не впервые надели свои боевые ордена и медали, вышли в них на улицу, и... И мы, мелюзга, потрясенно разинули рты... А еще — в каждом доме, каждом дворе праздничный стол. А были и «объединенные» столы. И — музыка, песни, танцы! Да еще ведь с того са-

мого, маяковский 1965-го по редким, впрочем, пока, маленьким черно-белым телевизорам стали военный парад показывать. И не только с танками, но и с ракетами. Ух-х-х!..

Да-а, время-время... Мы давно уже старше тех ветеранов 60-х... А их самих, участников, героев Великой Отечественной, увы, все меньше и меньше. И потому я просто счел своим долгом рассказать об одном из них — отце двух моих друзей, Олега и Бориса, удивительно скромном человеке и подлинном Солдате Победы — Анатолии Львовиче Никитине.

Но сначала — краткая преамбула.

Дело в том, что Никитины у нас на Троицкой — фамилия известная. И в немалой степени благодаря дяде Анатолию Львовича — Николаю Михайловичу, родившемуся в семье чуть ли не первого машиниста Воронежа Михаила Игнатьевича Никитина и ставшему впоследствии активным участником революционного движения в России. В 1917 году Николай Михайлович был делегатом II съезда Советов, членом его мандатной комиссии, долгое время заведовал финансовым отделом ВЦИК, был секретарем партийной организации Кремля, а в 1920 году подписал и вручил партбилет № 527 самому В.И. Ленину. Один же из братьев Николая Михайловича, Лев Михайлович, тоже активно участвовал в революции, был членом самого «боевого» в Воронеже Троицкого Совета. А еще... А еще (и это особенно важно для нашего рассказа) 23 апреля 1925 года в семье Льва Михайловича и Надежды Михайловны Никитиных родился сын Анатолий. Дядя Толя, которого я знал с раннего детства и рассказ которого о его, в общем-то, обыкновенной мирной и совсем не обыкновенной военной жизни, слава Богу, успел записать.

— ...Родился я, Юр, в Воронеже, с младенчества проживал вот в этом самом доме по улице Коммунистической Молодежи. Только во время войны и службы тут не был. Детство?.. Да обычное детство. Гоняли с друзьями с утра до ночи. Улицы, луг, речка. Я птичник заядлый был — ловил по осени щеглов в Архиерейской роще; позже «заболел» голубями. Да голубями весь наш район «болел». Чуть ли не в каждом дворе голубятня была... Школа? Ходил в школу № 19. Да только, по-моему, никому от этого «хождения» радости особой не было: ни директору, ни учителям, ни родителям, ну а уж мне-то самому и подавно. Хулиган я был, Юрк, страшный...

Гм... Неожиданность номер один, уважаемые читатели. Вообще-то признаюсь, что с самого детства и на всю, так сказать, оставшуюся жизнь дядя Толя ассоциировался для меня с... медведем. Да-да, именно с медведем, однако же — добрым. Высокий, мощный, с могучими плечами и руками, способными, казалось, гнуть подковы и рвать цепи... Но был он — и есть — человек очень приветливый, спокойный, почти не повышавший голоса, даже когда, помнится, мы по молодости порой и «чудили» (хотя тут, конечно, сыновьям виднее). И потому такое вот заявление: «Хулиган я был страшный...»

— Точно-точно, — с улыбкой кивает Анатолий Львович. — Вся школа от меня стонала, и дома получал за свои фокусы по первое число. С грехом пополам проучился несколько лет, а потом поступил в железнодорожное ремесленное училище — у меня же и родственники, да, почитай, тогда и весь наш район, железнодорожниками были. А после училища, в 1940-м, в 15 лет, пошел работать на завод Коминтерна — там уже к тому времени начали делать знаменитые позже «катюши». И вот помню, принес первую зарплату — 750 рублей, а отец меня... выдрал! Он-то получал 400 и решил, что деньги я своровал. Аж на завод разбираться ходил. Когда все выяснилось, дядя, брат отца, говорит ему: «Ну и чего на парня набросился? Гордиться надо, а ты лупить». Отец же: «Ладно-ладно, это я ему кровь разгоняю...»

Ну, так вот и жил. Работал, занимался боксом, водил голубей... Ох, голуби, ребята, это ж не просто хобби — это целая «философия», свой, особый мир! Разведение, покупки, обмена, «угоны», потом возврат, да на определенных условиях! Накормить, напоить, голубятню получше устроить, выпустить их полетать на утренней, вечерней

Анатолий Никитин (справа) с фронтовым товарищем

зорьке, после загнать обратно... В общем, не увлечение даже, а настоящая страсть. И вдруг, братцы, — война...

Когда стало ясно, что Воронеж могут захватить немцы, заводы начали эвакуировать. Наш, Коминтерна, в 1942-м эвакуировали в Свердловск. Но мне там страшно не понравилось. Раньше делал запальные замки для «катюш», а в Свердловске упекли в котельный цех. И я... убежал на войну. Но не сразу, конечно. Сперва двинулись с другом «на юг». И вот где как, где поездами, а порой и на своих двоих, добрались до Джамбула, что в Казахстане. А там как раз дислоцировалось тогда Орловское пехотное училище. И я добровольцем (17 же лет всего) поступил в него. В 1942–1943 годах был курсантом, а потом училище переформировали в 19-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду, и учить нас стали уже по этому профилю. А в 43-м перебросили в Карелию.

Боевые действия в Карелии, уважаемые читатели, к сожалению, не столь объемно освещены в исторической литературе, как самые масштабные и эпохальные кампании и сражения Великой Отечественной. Однако значение их очень велико. Нашим войскам противостояла там армия союзницы гитлеровской Германии — Финляндии, и не зря события те называют порой Второй советско-финской войной...

— В общем, начал я служить в военно-воздушном десанте. И не просто в десанте, а в разведке. А знаете, как попал туда? Во-первых, было огромное желание стать разведчиком. А во-вторых... Когда к нам прибыли «кушцы» от разведки, я обратил внимание, что с особой охотой они берут ребят отчаянных, сорвиголов, а еще лучше — сидевших, побывавших в «местах не столь отдаленных». Ну и давай я проситься: «Возьмите меня, возьмите! Я тоже вор!» — «И чего ж ты воровал?» — спрашивают. «Голубей!...», — вздохнул я. И один из «кушцов», командир отделения (оказалось, тоже заядлый голубятник), взял меня к себе.

— И как вы, дядь Толь, воевали?

— Ну, как — как? В основном выбрасывали нас с самолета в какой-нибудь определенный командованием район, и уж там занимались тем, что на военном языке называется разведывательно-диверсионными операциями. Разного плана, ребята, разного...

А я вспомнил вдруг слова из давнего, но опубликованного буквально месяц назад интервью другого нашего земляка, тоже десантника Великой Отечественной, замечательного писателя Бориса Васильева.

«Десантник — фигура обреченная. Даже раненых не можете вытащить. Десантники — камикадзе. Если человек может идти, он идет. Если нет...»

Семейное фото
Никитиных

— Пристреливают?

— Да, конечно. Иначе его немцы замучают. Поэтому и называется «прости, браток...»

— А бывало, дядь Толь, по-настоящему страшно? (Глупый, просто идиотский, конечно, вопрос!)

— Самое страшное, Юр, было видеть кучи, порой просто горы трупов. И наших, и финнов... Глядишь — и думаешь: «Эх-х-х, ребятки-ребятки, ну вам-то, простым крестьянам и работягам, это за что?..»

— А трудно на войне остаться нормальным человеком?

Анатолий Львович пожимает плечами:

— Ну, это уж, наверное, от природы зависит. Вот был у меня напарник... Хотя, скорее, это я у него напарником был: он старше, опытнее. И нас с ним посылали ликвидировать полицаяв. А с полицаями всегда ходили помощники. Как правило, молодые парни из местных, и, ясное дело, не по своей воле — заставляли их. И мой напарник полицаев не только убивал, но и грабил. И добра такого, «трофейного», у него скопилось немало. Ему за это шакальство даже, бывало, морду били. А моей задачей была ликвидация помощников полицаев. И я что делал. Отводил хлопца подалее в чащу леса и говорил: «Пойдешь в тот лес, там партизаны (партизан-то мы знали, в плотном контакте работали), спросят, как их нашел, скажешь, Никитин из разведки направил...» И когда позднее мы соединились на время с теми партизанами, они — к командиру нашему: «Слушайте, покажите этого знаменитого Никитина. Он нам таких отличных бойцов прислал!» А командир смеется: «Не имею права. Никитин засекреченный, покажем только после победы». Вот и думай — можно ли на войне остаться человеком?.. Можно, ребята, можно...

А тем временем в Южной Карелии полным ходом разворачивалась Свирско-Петрозаводская наступательная операция (21 июня — 9 августа 1944 года), часть стратегической Выборгско-Петрозаводской операции. И одна из первых главных задач ее — освободить от врага город Олонец...

— Это было 25 июня, — говорит Анатолий Львович. — Я тогда воевал во взводе разведчиков 98-й Гвардейской воздушно-десантной Свирской Краснознаменной дивизии. Наши войска уже прорвали главную полосу обороны финнов, подошли ко второй, защищавшей Олонец, и тут завязли: на одном участке здорово пристрелялся вражеский шестиствольный миномет. Пристрелялся и не дает нашим наступать. Офицеры гонят солдат в атаку, а финны их накрывают огнем. Очень много было убитых и раненых. И командир наш отобрал группу автоматчиков и дал приказ: уничтожить этот чертов миномет и попытаться произвести разведку боем: выяснить, какие еще сюрпризы могут ждать дальше.

И вот только вошло в лес, финны открыли такой кинжальный огонь — головы от земли не оторвать. Что делать? Командир группы приказал рассредоточиться и действовать поодиночке. Мы с напарником рванули вперед — снова огнем накрыло, и он куда-то спрятался, а я увидел траншею — прыг в нее и по ней, где ползком, где бегом, добрался до станции Олонец. Гляжу: возле станции много солдат, и тот самый миномет — палит, гад, по нашим! И я закидал его гранатами, уничтожил вместе с расчетом. А рядом стояло какое-то двухэтажное здание. Нырнул в него, поднялся на второй этаж, и передо мной окопы финнов как на ладони. А они мечутся, не поймут еще, что происходит. И тут я сверху как начал поливать из автомата. Четыре диска у меня было, и я, ребята, положил весь гарнизон станции, около сорока солдат, а офицера, так уж получилось, убил в рукопашном бою. Ну и удерживал позицию до подхода моего батальона. И что удивительно, сам не получил ни царапины.

Как же меня бойцы благодарили! Я ж действительно тогда столько жизней спас. А командир сказал: «Молодец! Представляю тебя к большой награде».

На следующий день снова пошел в разведку боем. И вдруг рядом раздался взрыв...

Анатолий Львович был тяжело ранен, несколько месяцев лечился в госпитале в Вологде. Там-то соседи по палате и показали ему статью в газете Карельского фронта «В бой за Родину», рассказывающую о подвиге разведчика Никитина в Олонце. Увы, после поправки в десантники он уже не годился. Его перевели в танковую школу; выучился на механика-водителя и дальше воевал на знаменитой «тридцатьчетверке». Про обещанную в Карелии награду даже не вспоминал...

— Так что заканчивал я войну, братцы, на танке. Освобождали разные города Польши, форсировали Одер, на пути к Берлину брали немецкие города. Мы к тому времени уже переняли тактику немцев начала войны: делали на узком участке прорыв, и туда входили наши танки. В городе обычная жизнь течет, работают магазины, кафе, рестораны — а тут мы: «Гутен морген, господа фрицы!» А они молодцы — «Гитлер капут! Гитлер капут!» — и живут себе спокойно дальше. Потом и солдаты их уже начали сдаваться... Вообще, конечно, война здорово сознание человека ломает... Вот представьте: едем мы по шоссе, а к обочине выходят группы фашистов — сдаются. А мне в голову вдруг стукнуло: «Раздавить, что ли?..» Подумал-подумал и махнул рукой: «Да ну их! Гусеницы потом замучаешься отмывать!» Так-то, ребята...

Да, а между прочим, была у меня в Германии одна необыкновенная встреча. Такая, что всю жизнь помнить буду. Ехал наш экипаж по лесной просеке. А у танка давно уже гусеница разболталась, но времени подтянуть все не было. А тут один в лесу, дорога пустая, и никуда особо не спешим. Короче, остановились, разложили на земле инструмент. Напарник сверху, на танке, я внизу — занимаемся гусеницей. Слышу — сзади шум моторов: подъехал кто-то. Потом шаги. А я не оборачиваюсь, уткнулся носом в траки. Только мысль мелькнула: «Помочь хотят» — и... такой удар по спине, аж в глазах потемнело. И крик: «Вы что тут, мать-перемать, дорогу загородили!..» Оглянулся: господи... Георгий Константинович Жуков — злой как черт и с ломом моим в руках. А за ним целая свита... Вот угораздило! Ну а куда мы с просеки денемся, не улетим же. И пришлось командиру ждать, пока с гусеницей управимся. — Анатолий Львович улыбнулся: — Правда, потом мы с ним «помирились», и когда Жуков баллотировался в Верховный Совет СССР, я был одним из его доверенных лиц, агитировал голосовать за него... — Помолчал, потер бок: — До сих пор, как вспомню ту встречу, ребра болеть начинают...

За участие в штурме Берлина Анатолий Львович был награжден орденом Отечественной войны I степени и медалью «За взятие Берлина». Война закончилась, а служба старшего сержанта Никитина — нет. Он еще пять лет служил в Германии, в Потсдаме, инструктором по вождению в учебном танковом полку. Ну а в 1950-м вступил в партию, вскоре демобилизовался и старшиной запаса вернулся домой, в Воронеж.

— И вот что здорово. По-моему, все наши ребята, с Троицкой, кто на фронт ухо-

дрили, живыми возвратились. Ну, можно предположить, как радовались встрече!.. Правда, мне обрадовались, похоже, не везде. Прихожу доучиваться в свою родную 19-ю школу — она уже ШРМ, вечерняя, а директор тот же, что и до войны. Увидев меня, схватился за голову: «Господи, Никитин вернулся!..» Но я же не такой уже, как раньше. Хотя... Хотя вот, допустим, на танцах в парке Кагановича драки частенько случались — так наши ребята очень любили со мной туда ходить. Если какая заваруха, я там лупил всех подряд. Один удар — любой с ног валится...

А работать пошел на механический завод — на нем тогда чуть ли не вся Троицкая работала. Голубей, конечно, опять завел. Правда, когда женился на Анне Алексеевне Маняхиной, случались у нас порой с супругой на «голубиной» почве конфликты. А потом пошли дети: в 1957 году родился старший сын Борис, в 1960-м — младший, Олег. Ну и ради спокойствия и мира в семье я с голубями постепенно, как говорится, завязал...

И вот жил Анатолий Львович, работал (был передовиком производства, победителем социалистического соревнования), воспитывал сыновей, занимался домашним хозяйством — сад, огород... Кстати, он даже вывел свой собственный сорт помидоров — неофициально, правда, нигде его не регистрировал. Скрестил сорта «Никитинский» и «Ракета» и назвал его «Никитинский». Годы шли, выросли сыновья: Борис в 1980-м женился. Воспоминания о войне постепенно уходили в прошлое, тем более что, человек удивительно скромный, Анатолий Львович никогда и нигде не рассказывал о своих фронтовых подвигах.

— Сроду не участвовал я ни в каких там ветеранских делах. Ни в мероприятиях разных, ни в чем прочем. А уж что касается всяческих пайков, льгот — это мне вообще было противно! Да на заводе даже и не знали, что я воевал. И тут вдруг...

Да-а, большой неожиданностью для заводчан стало появление в февральской 1982 года цеховой «Молнии» сообщения о вручении Никитину Анатолию Львовичу ордена Славы III степени, которым, оказывается, он был награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от... 5 августа 1944 года!

— А как же это вообще, дядь Толь, случилось, — что почти через сорок лет награда, как говорится, нашла героя?

— Да случайно, Юрк, и случилось. Дело было так...

В общем, если вкратце, то в 1976 году некто И. Кулаков, учитель ШРМ № 19, а по совместительству энтузиаст-краевед и, видимо, внештатный корреспондент газеты «Молодой коммунар», собирая материал о своей школе и ее предшественнице — Троицкой начальной школе, познакомился с Анатолием Львовичем и услышал от него рассказ о том самом бое на станции Олонец. И (наш герой этого даже и не знал) корреспондент начал собственное расследование: дошел до Москвы, до Министерства обороны, и, в конце концов, справедливость, как говорится, восторжествовала.

— Ну и что изменилось в вашей жизни после этого?

— Что изменилось? — Да ничего. От льгот и пайков отказывался, как и раньше. Работал да работал. В 1985-м оформил пенсию. Потрудился еще пару лет и ушел, так сказать, на заслуженный отдых. В 87-м женил второго сына, Олега... Правда вот, в 2003 году не стало моей Анны Алексеевны... Но у меня трое внуков: Борисова дочка Юлия, Олеговы сыновья Артем и Степан.

Вот такая, коли вкратце, была у меня биография. Вот так, Юр, я работал, воевал и просто жил...

...Анатолия Львовича Никитина не стало 2 марта 2015 года.

Он был похоронен под звуки военного оркестра и автоматные залпы взвода почетного караула на Юго-Западном кладбище города Воронежа.

Вечная Память...